

Е. В. Петрухина

**Возможности, функции и конкуренты словопроизводства
в современном русском языке**

Опубликовано в: Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов» М. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010г.С.424 –443.

1. Новые явления в русском словопроизводстве. Среди основных тенденций развития морфологии и словообразования современного русского языка называют стабильный рост аналитизма на некоторых участках морфологической системы (прежде всего в именных категориях), сочетающийся с активностью словообразовательных процессов, т. е. синтетических способов выражения значений при помощи словообразовательных средств и агглютинативной техники присоединения морфем. Синхронная динамика русского словообразования проявляется в темпах пополнения лексической системы при помощи словообразовательных производных, в соотношении своего и заимствованного, узуса и языкового творчества, в конкуренции, семантической и стилистической дифференциации сосуществующих словообразовательных единиц. Динамические процессы в русском словообразовании связаны с общими языковыми изменениями, вызванными социально-экономическими и политическими преобразованиями в российском обществе в конце XX и начале XXI вв. К таким изменениям, которые усиливаются бурным развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, относят ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка, расцвет языковой игры, резкое увеличение потока английских заимствований.

В этих условиях в последние два десятилетия, несмотря на большие потенциальные возможности русской деривационной системы и всплеск неузального словообразования, удельный вес производных слов с незаимствованными корнями среди неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет. При этом в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы не только не разрушаются, **н** не модифицируются и практически не пополняются заимствованными деривационными моделями, но и легко перерабатывают иностранные инновации, адаптируя их к русской словообразовательной системе. Последняя пополняется новыми

деривационными гнездами на базе иноязычных неологизмов, образованных как по имеющимся продуктивным словообразовательным моделям, так и по моделям композитов, которые активизировались лишь в последние годы. Ср.: *демпинг* – *демпинговый*, *антидемпинговый*, *демпинговать*, *демпингование*, *демпинговость*; *бренд* – *брендировать*, *брендироваться*, *брендированный*, *брендирование*, *забрендировать*, *брендовый*, *мультимарочный*; *демпинг-политика*, *демпинг-стратегия*, *бренд-коммуникационный*, *бренд-арт*.

Новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно, одномоментно, «когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо» [Скляревская 2001: 180]. Соответственно, активной тенденцией в русском языке начала XXI века, так же как и в других славянских языках (см. статьи настоящего сборника об инновациях в болгарском, сербском, украинском, чешском и других славянских языках), является образование абсолютно новых словообразовательных гнезд от многочисленных английских заимствований и усиление адаптивной функции словообразовательных типов.

Система аффиксальных словообразовательных типов столь прочна, что она легко перерабатывает заимствованные корни, образуя производные с русскими аффиксами. В последнее десятилетие, так же как и в конце 1990-х годов, от иноязычных основ активно образуются имена существительные с суффиксами *-ник*, *-чик* / *-щик*, *-ец* / *-овец*, *-ист*, *-изм*, употребление которых характерно для текстов СМИ и Интернета (ср. *оффиорник*, *интернетчик*, *пиаровец*, *спамщик*). Продуктивны модели с суффиксами *-ств(о)* и *-ость*: *клипмейкерство*, *антикиллерство*, *брокерство*, *премьерство* и др.; *мультимедийность*, *суицидальность*, *рейтинговость* и др. Растет число процессуальных существительных, образованных с помощью суффикса *-ациј(a)* / *-изациј(a)*, минуя глагольную ступень, например, *вестерн* – *вестернизация* ('процесс изменения чего-либо по образу вестерна'); *кластер* – *кластеризация* ('процесс разделения на кластеры'), *буфер* – *буферизация* ('процесс передачи данных в буфер обмена'). В сфере образования имен прилагательных наибольшую активность проявляют суффиксы *-ск-*, *-ов-* / *-овск-*, *-н-*: *шенгенский*, *фолковый*, *онлайновый*, *пиаровский*, *интернетовский*, *гламурный*. Активизировалось взаимодействие с заимствованными основами и глагольных суффиксов, кроме *-ирова-*, также *-ова-*, *-и-* (преимущественно в текстах Интернета и СМИ): *брендировать*, *продюсировать*, *демпинговать*, *роуминговать*, *кастинговать*, *оффиорить*, *мониторить*..

Что же касается заимствования из английского языка структурных элементов – аффиксов, то кардинальных изменений здесь не происходит и их корпус в русском языке

пополняется очень медленно, хотя в русском языке существует целый класс словообразовательных аффиксов иноязычного, прежде всего греко-латинского, происхождения. В настоящее время, по всей видимости, можно говорить о первых признаках появления нового отрицательного префикса *нон-*, заимствованного из английского языка, хотя он встречается в немногочисленных словах с иностранными корнями, таких как *нон-стоп*, *нон-фикшн*, *нонконформизм*, *нонфактор*, *нонфакт*, *нонстандарт*, *нонфигуративный*. Этот процесс поддерживается, во-первых, четким отрицательным значением данного форманта, во-вторых, вошедшими ранее в лексическую систему иноязычными словами без данного префикса (*стоп*, *конформизм*, *фактор*, *факт*), при отсутствии таких однокоренных слов элемент *нон* не воспринимается как префикс (ср. *нонсенс*), в-третьих, появлением стилистически нейтральных неологизмов на русской почве (*нонфигуративный*). Суффиксу *-инг* уже давно пророчили вхождение в русскую словообразовательную систему, для этого имеются и условия – целый ряд однотипных неологизмов в рекламно-экономической сфере: *шопинг*, *кастинг*, *маркетинг*, *демпинг*, *роуминг*, *факторинг*, *франчайзинг*, *толлинг*, *консалтинг*, *мониторинг*, *ребрендинг*, *джипинг*, и наличие у многих заимствований родственных слов без этого суффикса, ср. пары *монитор* – *мониторинг*, *бренд* – *ребрендинг*, *супермаркет* – *маркетинг*, *фактор* – *факторинг*, *джип* – *джипинг*. Но тем не менее элемент *-инг*, чуждый русской морфонологической системе, не становится деривационным формантом, способным образовать новое слово в русской словообразовательной системе вне игровой функции. Ироничные и анекдотичные производные типа «*объегоринг*» и «*свалинг*» подтверждают это (примеры таких каламбурных производных в иронично-игровой функции см. в [Koriakowsewa 2009: 192]).

В связи с активным образованием сложных единиц номинации русская словообразовательная система пополняется новыми словообразовательными формантами радикального типа (*медиа-*, *арт-*, *бренд-*, *топ-* и под.), которые анализируются в следующем разделе.

2. Статус сложных неологизмов (типа *арт-студия*, *медиабизнес*, *кофе-пауза*). В словообразовательное гнездо встраиваются как неологизмы, образованные от заимствованных корней по продуктивным русским словообразовательным моделям, так и полные заимствования, производные в английском языке и сохраняющие свою производность на русской почве, а также сложные дериваты (компози́ты) разного типа. Это открывает путь в русскую словообразовательную систему новым

словообразовательным формантам, преимущественно радикасноидного и аффиксноидного¹ типа. Например, появляются условия для адаптации форманта *-мейкер* (иногда встречается также в графическом варианте *-мэйкеры*), не употребляющегося в русском языке как самостоятельная лексема. В современных словарях иностранных слов отмечено лишь несколько заимствований с формантом *-мейкер* (со слитным или дефисным написанием), восходящих к английским свободным словосочетаниям (которые могут писаться также слитно) – *маркетмейкер* или *маркет-мейкер* (*market maker*), *имиджмейкер* или *имидж-мейкер* (*image maker*), *клипмейкер* или *клип-мейкер* (*clip maker, clipmaker*). В текстах СМИ и Интернета за последние 5 лет появились десятки новых производных – *суши-мейкер*; *пицца-мейкер*, *топик-мейкер*, *матч-мейкер*, *файлмейкер*, *шоумейкер*, *климат-мэйкеры*. Первую часть сложных производных занимают, как правило, лексемы, заимствованные ранее (*клип, суши, пицца, топик, файл, шоу, видео*). Это укрепляет членимость подобных слов и их восприятие как производных уже на русской почве, где эти словосочетания приобретают характер композитов, а лексема из английского словосочетания по семантике сближается с аффиксами и аффиксноидами со значением деятеля (ср. *сушист, шоумен*). Появление производных с русскими корнями и элементом *-мейкер* поддерживает его статус как словообразовательного форманта, который занимает промежуточное положение между радикасноидом и суффиксноидом (хотя по функции ближе к суффиксноиду). Число подобных неологизмов в средствах массовой информации и рекламе в последнее время стремительно растет. Ср. сочетание данного элемента с русскими основами в рекламных и газетных текстах: *платье-мейкер*, *праздник-мейкеры*, *сериал-мэйкер*, *ТВ-мейкеры*, *тур-мейкер*, *слухмейкер* (при этом отмечаются колебания в орфографическом оформлении таких слов: через дефис или слитно). Заимствованный неологизм *маск-мейкер* (*mask maker*), имеющий формально-семантические связи с лексемой *маска* (а также ироничный окказионализм *колбас-мейкер*) вызывает ассоциации со сложносокращенными русскими словами типа *стенгазета*.

Следующие примеры (из текстов электронных СМИ) иллюстрируют свободное

---

¹ К аффиксноидам относят морфемы переходного типа, которые обладают лексическим значением, сходным со значением корневых морфем (этимологически аффиксноиды являются корневыми морфемами, преимущественно заимствованными), но отличаются от последних не только связанностью, но и функциональным сходством с аффиксами – типовым характером значения и употребления, регулярностью соединения с целым рядом корней. Префиксноиды, выражающие разнообразные отношения и оценку (*квази-, макро-, мини-, мега-*), и суффиксноиды, соотносимые с типовыми значениями суффиксов или формирующие новые типовые значения (*-вод, -ман, -фоб*), способны пополнять класс префиксов и суффиксов. Есть все основания рассматривать в современном русском языке заимствованные препозитивные элементы типа *анти-, вице-, экс-, гипер-, гипо-* как префиксы, а постпозитивные элементы типа *-тека, -лог, -фил, -оид* как суффиксы. Радикасноидами называют связанные корни с более конкретным и предметным, по сравнению с аффиксноидами, лексическим значением: *теле-, био-, аква-, техно-, гидро-* и др. Радикасноиды могут соединяться и со свободными, и со связанными корнями в составе композитов, а также с аффиксноидами, тогда как префиксноиды и суффиксноиды между собою не соединяются. Но все же границы между новыми заимствованными словообразовательными формантами «оидного» типа (между аффиксноидами и радикасноидами) выражены нечетко. О переходных морфемах см. [Немченко 1994], [Лопатин 1997], [Клобуков, Гудилова 2001].

сочетание элемента **топ-** (который иногда употребляется и как самостоятельная лексема) в функции префиксоида-радиксоида с разнообразными русскими существительными, обозначающими лиц или учреждения, к которым приложимо определение «один из лучших, занимающих высокое положение в рейтинге»: **Топ-специалист** по управленческому учету и бюджетированию. Ежедневно мы осуществляем поиск и подбор **топ-специалистов, топ-менеджеров** для крупнейших горнодобывающих компаний России и СНГ. Не обойтись без продвинутого **топ-финансиста** и тем предприятиям, которые замыслили выход на международные биржи или привлечение иностранного капитала. Список **топ-консультантов** по развитию лидерских качеств. Второе полугодие они проведут в стенах зарубежного **топ-университета**, специализирующегося на вопросах госуправления. Книжный интернет-магазин **ТОП-КНИГА**. Главы **топ-банков** РФ уверены, что большинство выйдут из кризиса с прибылью. Некоторые производные, прежде всего в текстах рекламы, демонстрируют стирание значения, связанного с конкуренцией и рейтингом, и демонстрируют развитие значения ‘высокое качество’. Ср.: **Топ-объявления** – это новая услуга для повышения эффективности ваших объявлений. **Топ-услуги**: перманентный макияж, самая широкая гамма гипоаллергенных пигментов.

Проанализируем также открытый ряд неологизмов с радиками *медиа-* и *арт-*, где есть и производные заимствования, и кальки, и дериваты, созданные при помощи сочетания данных элементов со многими русскими корнями (что подтверждает статус этих элементов как словообразовательных формантов особого типа – радикасоидов):

медиа- (фиксируется двоякое написание – слитное и через дефис): *медиабизнес, медиаактивы, медиа-менеджер, медиа-брокер, медиамаркет, медиахолдинг, медиа-группа, медиаимперия, медиакратия, медиамагнат, медиапартнерство, медиапокупка, медиапространство, медиа-профсоюз, медиарынок, медиасеть, медиа-среда, медиа-художник;*

арт- (закрепилось правописание через дефис): *арт-менеджер, арт-менеджмент, арт-шоу, арт-гламур, арт-группа, арт-галерея, арт-группировка, арт-данные, арт-диктатор, арт-дилер, арт-директор, арт-жизнь, арт-журналист, арт-заказник, арт-звезда, арт-инсталляция, арт-каталог, арт-кино, арт-клуб, арт-колледж, арт-конверсия, арт-критика, арт-критик, арт-лицей, , арт-место, арт-объект, арт-проект, арт-работа, арт-рынок, арт-событие, арт-сообщество, арт-столица, арт-студия, арт-сцена, арт-театр, арт-терапия, арт-туризм, арт-тусовка, арт-фильм, арт-фотография, арт-хит, арт-центр, арт-экспозиция, арт-элита, арт-ярмарка, арт-дуэт, арт-искусство, арт-азбука.* Элемент *арт* может занимать и второе место в сложном про-

изводном. ср.: *боди-арт, фото-арт, поп-арт, соц-арт, топ-арт, модерн-арт, данц-арт, тех-арт, арт-кафе, дизайн-арт, ОРФО-арт*. Среди приведенных примеров немало неологизмов, создание которых по данной модели на русской почве не вызывает сомнений. По сути дела, характер другой части композита (заимствованный или исконный) уже не столь важен – элемент *арт* занял место в ряду других радикалоидов.

В современной русистике и славистике остается дискуссионным вопрос о статусе единиц номинации типа *арт-проект, демпинг-стратегия, бизнес-система, кофе-пауза*. Во-первых, они рассматриваются как словосочетания с аналитическими прилагательными. Эта точка зрения поддерживается известной работой М. В. Панова об аналитических прилагательных в русском языке, которые он выделял даже в таких исконно русских языковых единицах, как *горе-изобретатель, чудо-молот* [Панов 1971]. Во-вторых, подобные единицы в русском, а также в других славянских языках трактуются как сложные слова [Русская грамматика 1980: 245], [Gutschmidt 2003], [Аврамова 2003]. Как представляется, последняя трактовка имеет более веские основания, чем первая.

Подобные номинативные единицы образуются по аналогии с несколькими типами русских сложных слов. В русском языке имеется продуктивная модель их образования сложением прилагательного и существительного без соединительной гласной, но при сокращении мотивирующего прилагательного до корня: *танцевальная площадка* → *танц-площадка*, *стенная газета* → *стенгазета*, *политическое бюро* → *политбюро*. Мотивирующей базой сложного имени могут выступить два существительных, первое из которых выполняет функцию атрибута, при этом от первого существительного (обычно давнего и неизменяемого заимствования) прилагательное не образуется: *радио* → *радиоприемник, радиовещание*; *кино* → *кинофильм, кинотеатр*. Сложные существительные могут быть образованы сложением самостоятельных незаимствованных имен, в которых первая часть также служит определением второй: *сон-трава, меч-рыба, царь-пушка, царь-колокол*. Имеются и другие разновидности сложных слов этого типа: роль определителя может играть вторая часть (*город-герой, ракета-носитель*), между составными частями возможны равноправные отношения (*диван-кровать, юбка-брюки, плац-палатка*).

Новые композиты отличаются от сложносокращенных слов и сложных слов, образованных словосложением, высокой продуктивностью и практически свободной сочетаемостью первой части с соответствующими по смыслу существительными, как заимствованными, так и исконными. Слитное написание характерно для связанных элементов, дефисное – для свободных корней, способных и к самостоятельному употреблению. Влияет на написание и формальное сходство с русскими моделями сложных слов типа *стенгазета, радиоприемник* или *телефон-автомат*.

Лексемы типа *макромир, аквапарк, акваэробика, автомобиль, автопробег, луно-мобиль*, в которых один корень связанный, иногда рассматриваются как квазикомпозиты, т. е. сложные и членимые, но непроезводимые слова, ввиду того, что форманты *микро-, аква-, авто-, -мобиль* не имеют соответствий среди производящих основ современного русского языка [Клобуков, Гудилова 2001]. Развитие данной модели сложных слов в последнее десятилетие свидетельствует о ее модификации: ее продуктивность, прозрачность семантической структуры, многочисленные словообразовательные ряды, включающие подобные связанные элементы, позволяют определить статус данных неологизмов как производных композитов (о деривации по аналогии и модели см. [Кубрякова 1987, 2007], а также статью Е.С. Кубряковой в данном сборнике).

Таким образом, среди неологизмов-композитов встречаются и чистые заимствования (типа *клипмейкер*), и кальки (ср. *кофе-пауза – coffee break*), и образованные в русском языке из заимствованных элементов, причем как новых, так и более ранних (ср. *курорт-отель*), а также дериваты, в которых иноязычные части сочетаются с исконно русскими (см. примеры, приведенные выше), что свидетельствует о росте продуктивности самой модели, составные части которой могут быть как связанными, так и свободными.

Быстрый рост сложных неологизмов с заимствованными элементами и их переход в разряд узуальной лексики объясняется не только растущими номинативными потребностями социума и влиянием английского языка, но и опорой на имеющиеся собственно русские модели сложных существительных. При этом стремительное увеличение количества сложных имен влияет на словообразовательную систему русского языка, пополняя ее новыми формантами радикального и аффиксного типа и изменяя продуктивность и статус самой модели. Кроме того, большая активность словосложения оказывает типологическое воздействие на русский язык, развивая инкорпорационные способы выражения атрибутивных синтаксических отношений в именной группе. В сложном производном имя с атрибутивной функцией интегрируется с другим именем (инкорпорируется в другое имя), имеющим морфологическое оформление, при этом атрибутивная функция первого имени морфологически никак не выражается. От аналитического сочетания двух имен, первое из которых выполняет функцию атрибута, подобная именная интеграция отличается морфологической непроницаемостью и подчиненным положением первого имени, которое само не может получать определение (ср. такую возможность в английском аналитическом сочетании, например *film maker – action film maker*).

Возникают сложные номинативные единицы, нетождественные словосочетанию, так как обладают морфологической цельностью (и этим отличаются от свободных аналитических сочетаний английского языка). При этом они имеют особенности и в

сравнении с обычными сложными лексемами, так как легко образуются в речи, почти как свободные словосочетания, и образуют ряды дериватов с одним и тем же формантом. В нечеткой границе между словосочетанием и сложным словом для русского языка тоже нет ничего нового, если принять во внимание соотношение сложных слов и сочетаний самостоятельных слов, в которых одно выступает в функции приложения (ср. *летчик-испытатель* и *летчик-герой*; *генерал-майор* и *генерал-артиллерист*). Поэтому до сих пор и не утихает дискуссия о статусе таких единиц в русском и других славянских языках (об этой дискуссии помимо уже упоминавшейся литературы см. статьи Ю. Балтовой и Ц. Аврамовой в данном сборнике).

Подчеркнем, что новые композиты не противоречат словообразовательной и грамматической системе русского языка, о чем свидетельствуют исконно русские и отнюдь не новые номинации типа *царь-девица*, *сон-трава*. Но экспансия подобных композитов с заимствованными частями поддерживает появление чуждых русскому языку аналитических многочленных конструкций, встречающихся пока лишь в рекламных и, как правило, переводных текстах, с грамматически невыраженными атрибутивными отношениями между составляющими их словами (что типично для английского языка). Ср.: *пемлюкс гель сода эффект*, *комет чистящий порошок антиржавчина*, *комет чистящий порошок лимон* [Левонтина 2006]. Подобные многочленные словосочетания с невыраженными синтаксическими отношениями между словами не соответствуют строю русского языка, в котором инкорпорация возможна лишь в пределах сочетания двух лексем. Многосложность таких конструкций снимает вопрос о композитах, их употребление преимущественно в именительном падеже и пунктуационная неоформленность в рекламных текстах отличает их от ряда обычных приложений. В подобные сочетания, наряду с заимствованиями, втягиваются и русские слова, подчиняясь навязываемым антиграмматическим отношениям. И. Левонтина отметила влияние таких конструкций и «на язык пропаганды», в частности на формулировку телевизионного проекта «Имя Россия» [Левонтина 2008], которая, по всей видимости, в целях краткости и звучности, игнорирует грамматические правила построения описательных номинаций. Проект предполагал выбор наиболее значительной исторической личности, символизирующей Россию, т. е. «главное имя России». Сочетание «Имя России» в качестве названия проекта при этом не подходило ввиду возможного понимания этого сочетания как «имя для России».

Таким образом, увеличение числа рассмотренных выше сложных композитов, рост активности данной словообразовательной модели, с одной стороны, соответствует активизации в современном русском языке таких способов словообразования, как

сложение и сращение, отмеченной многими исследователями (ср. [Улуханов 1996: 59–72]), и усиливает тенденцию к синтетизму в словообразовании. С другой стороны, поток таких композитов способствует появлению словосочетаний с невыраженными грамматическими отношениями между входящими в них именами, что свидетельствует о давлении на русский язык аналитических структур².

3. Степень словообразовательной активности русских корней. Как следует из вышеизложенного, при сохранении и развитии процессов, проявившихся в русском словообразовании в конце XX в., в последнее десятилетие наметились и новые тенденции. Опора на более ранние заимствования способствует развитию парадигматических связей иностранных неологизмов и формированию словообразовательных гнезд, в которые вступают и иноязычные форманты, соотносимые с лексемой в английском словосочетании и получившие в русском языке статус радикаидов или аффиксоидов (с нечеткой границей между ними). Гнездовое воздействие иноязычной лексики на русскую словообразовательную систему открывает ее для новых заимствований. При этом производные неологизмы с заимствованными корнями быстро утрачивают налет необычности и стилистической маркированности в текстах СМИ, рекламы, Интернета. Это новое явление объясняется тем, что иностранные элементы, свободные от ассоциативно-семантических и формальных связей в русской лексической и словообразовательных системах, имеют незанятые словообразовательные валентности, в отличие от русских корней, связанных формальными и семантико-ассоциативными отношениями с единицами русского словообразования. Поэтому в производстве неологизмов в текстах масс-медиа русские корни уступают заимствованным. А так как речь идет о текстах массовой коммуникации, то за счет этой массовости в целом можно констатировать, что в производстве новых слов, которые быстро встраиваются в словообразовательную систему русского языка, в современном русском языке более активны заимствованные корни.

М. Эпштейн вообще считает, что «корни русского языка перестали расти и плодоносить», что утрачивается «словопорождающая мощь родного языка» [Эпштейн 2008]. Об обеднении русского языка, особенно на протяжении двадцатого века, трагического для России, много писал и А. И. Солженицын, изучавший «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в сопоставлении с лексиконом современного русского языка. Для своего исследования и создания «Русского словаря языкового расширения» он

---

² Проблеме соотношения синтетизма и аналитизма в сложных и описательных номинациях в современных славянских языках посвящена статья Ц. Аврамовой в данном сборнике, в которой автор пересматривает свою прежнюю точку зрения о композитах как показателях тенденции к аналитизму, считая теперь, что их образование является проявлением полисинтетизма в славянских языках.

привлекал также и «словный запас других русских авторов», т. е. те слова, которые «мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю» [Солженицын 1990: 5]. По мнению А. И. Солженицына, «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [Солженицын 1990: 5]. М. Эпштейн предлагает другой путь пополнения словарного состава русского языка и оживления словотворчества от русских корней – целенаправленное индивидуальное производство новых слов в рамках проекта творческого развития русского языка и создания словаря таких новообразований, при этом особое значение придается Интернету в закреплении и распространении искусственно созданных неологизмов [Эпштейн 2006]³.

Оба способа пополнения лексического состава русского языка, несомненно, заслуживают внимательного лингвистического изучения, но они не отражают реальное состояние словопроизводства от русских корней в современном языке, игнорируя уже созданные по продуктивным моделям и употребленные в реальных художественных, публицистических и разговорных текстах новые лексемы, не зафиксированные в словарях. Мы можем констатировать, что на фоне возрастания общей словообразовательной активности увеличивается и образование новых слов от русских корней – прежде всего за счет лакунарности русской словообразовательной системы и заполнения «пустых клеток» потенциально возможными производными [Улуханов 1996], [Петрухина 2006]. Русские корни проявляют свою наибольшую словообразовательную активность в художественной литературе, публицистике и разговорной речи, образуя многочисленные потенциальные дериваты. Порожденные потребностями конкретного дискурса, они, как правило, не фиксируются словарями новых слов, ориентированными на средства массовой коммуникации. Игнорирование подобной лексики словарями связано также с тем, что установить степень новизны неологизма, образованного от русского корня, значительно сложнее, чем неологизма с иностранным элементом. Приведем примеры не отмеченных словарями, но достаточно обычных и нейтральных производных, заполняющих пустые клетки русской словообразовательной системы и образованных от русских корней разными способами:

---

³ «Существует предубеждение, что творение новых знаков, новых единиц языка – это процесс коллективный, безымянный, соборный, что субъектом словотворчества может выступать только целый народ. Это мифологическое представление: ведь у народа нет одного рта, чтобы в один голос изрекать новое слово. Всегда кто-то произносит его первым, а потом оно подхватывается, распространяется – или угасает. (<...>) Интернет делает возможным и мгновенное распространение нового слова среди огромного количества читателей. Новообразование может быть подхвачено на лету, и его успешность легко проследить по растущему из года в год и даже из месяца в месяц числу употреблений. Именно прозрачность интернета в плане чтения и проницаемость в плане писания делает его идеальной средой для отслеживания и распространения новых словесных, да и графических, изобразительных знаков. **Интернет делает с языком то, что когда-то письменность сделала с литературой: подрывает его фольклорные основания, переводит в область индивидуального творчества**» [Эпштейн 2006].

– при помощи обратного словообразования – депрефиксации и депостфиксации. В глагольной системе при образовании деадъективных глаголов со значением приобретения какого-либо признака выражается прежде всего результат (приставочно-суффиксальным способом), сам же процесс приобретения или становления признака может быть выражен депрефиксацией, ср. *посерьезнеть – **серьезнеть***: *Вообще тенденция во всем «цивилизованном» мире такова – взростеть, **серьезнеть** и в Новый год дарить не какие-нибудь танцующие цветки, а косметику и часы. Так живут взрослые люди.* (Огонек. 2003. № 44). Депостфиксация позволяет заполнить «клеточку» производного каузатива: *раскошелиться – **раскошелить***: *Только забудь об эмоциях, потому что ты имеешь дело с компаниями или людьми, которых хочешь **раскошелить** на покупку* (Б. Левин. Блуждающие огни, guscorgo);

- по продуктивным моделям префиксального и суффиксального словообразования, в том числе с помощью префиксации, при которой происходит мена префиксов: *закавычить – **раскавычить***: *Любопытно, что «автор» у Добычина становится книгой и заключается в кавычки, а заглавия, напротив, **раскавычиваются**, и персонажи рассказов превращаются в реальных людей* (И. Сухих. У прозрачной стены // Звезда. 2003. № 8); *утончить – **перетончить***: *Если я говорил, что стихотворение неудачно, он с комическим постоянством повторял: – Опять **перетончил!** Главный признак провинциализма в литературе – стремление быть модным* (Ф. Искандер. Поэт // Новый Мир. 1998. № 4); суффиксации (при помощи суффикса –лив- по модели *крикливый, шумливый*): ***Гремливая** цивилизация совершенно лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытащила наши души на базар – партийный или коммерческий* (А. Солженицын). Потенциальные слова образуются как по продуктивным моделям, так и по аналогии с отдельными производными, ср. (образец *междуречье*): *Помимо «рабочих» маршрутов существуют и «**междугородие**» с указанием мест предполагаемого пребывания и дат путешествия* (subscribe.ru); (образец дан в тексте: *самоограничение*): *Разумное **самостеснение** и самоограничение во имя здоровья души и достойного существования будущих поколений* (Ю. Кубланский. Спасение через слово // Новый мир. 1996. №6).

Потенциальные слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, – типичное явление для многих современных художественных произведений. В качестве примера приведем некоторые производные из романа И. Лиснянской «Хвастунья», опубликованном в том же номере журнала «Знамя» (2006. №1), что и цитированная выше статья М. Эпштейна. Это автобиографический роман, как бы устный рассказ, поэтому все неузуальные производные, не зафиксированные ни в одном словаре, характеризуются разговорностью и при этом не производят впечатления необычных

окационализмов. Преобладают модификационные глагольные дериваты (например, *доподумать, обшутить, дономеровывать, развспоминаться, урезониться, оттелефонить, прифантазировать*) и синтаксические дериваты – отвлеченные существительные (ср.: *оборонительность, милота, беспризорничество; невыношение сору из избы, необсуждение на общей кухне политики*) и наречия (ср. *воспоминательно, сухокалендарно*), а также композиты, образованные при помощи сращения / сложения и суффиксации (*пестровитринные лавочки, внутримагазинная толпа, разнотематические лекции, дотворческий кинозал, судьбоопределившее, первоэтажное окно, околосценическая среда, бескопеечный, телевещательный ящик*). Встречаются также имена лиц мужского (*изобретенец*) и женского пола, как модификационные (*прозаичка*), так и мутационные, не имеющие парных существительных со значением лиц мужского пола (*комплиментищица, балетница, складчица*), относительные имена прилагательные (*воспоминательный рассказик, комплиментарный восторг, комаровский июнь, безрежимный*) и разнообразные оценочные модификации (*сверхлюбить, сверхлюбимые люди, пренеобходимое, одетьские*).

Все примеры из романа И. Лиснянской представляют собой произведенные в речи потенциальные дериваты, характеризующиеся комбинацией номинативной с другими функциями словообразования, но в основном созданные с целью языковой экономии и экспрессии, с ясной семантикой – их понимание не требует обязательной опоры на контекст. Многие из приведенных производных находятся на границе потенциальных и узуальных слов. Эта граница в русском языке нечеткая, традиционно она основывается на зафиксированности слова в толковых словарях русского языка, что не может служить надежным критерием определения узуальности / потенциальности слова. Мы согласны с А. Богуславским, который считает, что неотмеченность того или иного деривата в классических толковых словарях (типа академического 17-томного словаря русского языка), основанных на обширных картотеках, фиксирующих употребление лексем в текстах, не всегда может служить показателем его отсутствия в языке, так как актуальное употребление деривата, образованного по продуктивной модели, в конкретном тексте носит случайный характер и часто зависит от неязыковых факторов [Bogusławski 1988: 67].

Соответственно в словарях русского языка разного типа не отмечены многие узуальные слова, образованные по продуктивным моделям и реально существующие в русском языке, которые нельзя считать потенциальными. Например, наше исследование выявило непоследовательность фиксации в толковых словарях современного русского языка ограничительных глагольных модификаций с приставкой *по-*. Ни в одном словаре,

включая БАС, не зафиксирован ряд делимитативных производных, которые не производят впечатления окказионализмов. Это глаголы со значением как конкретной, так и обобщенной деятельности: *позаседать, потерзать, порегулировать, побастовать, посопротивляться, поконкурировать, пожонглировать, поаккомпанировать* и др. Ср.: *Ольга Давыдовна мечтает именно хорошенько **позаседать*** (В. Ходасевич); *Я попал в офицеры не прямо студентом ..., но перед тем прошел полгода угнетенной солдатской службы... А потом еще полгода **потерзали** в училище* (А. Солженицын); *Пошумели, покричали, **побастовали** – ничего не добились и разошлись по домам* (радио). *Я вдоволь пострелял на своем веку и вдоволь поблаженствовал, слыша победные трубы, и я вдоволь **позадыхался**, спасаясь бегством от преследователей, и наплакался при виде хладных тел вчера еще живых, но и вдоволь **позлословил** над плачущими* (Б. Окуджава)

Аналогично не зафиксированы многие другие дериваты, образованные по продуктивным моделям: глаголы с формантами *про-, от-, до-, на- -ся, до- -ся*; имена признака с суффиксом *-ость* (*представленность, лакунарность, дырчатость, имплицитность, аналитичность, отмеченность, зафиксированность, богемность, дезорганизованность, атомизированность*); прилагательные с приставками *около-* (*околоправительственные, околomosковские, околоуниверситетские круги* и др.), *внутри-* (*внутриправительственный, внутриуниверситетский* и др.), *пред-* (*предмосковский, предпитерское волнение*), *про-* (*промонархический, прокапиталистический*). Уменьшительные существительные фиксируются также далеко не всегда, ср. не отмеченные в словарях производные из романа И. Шмелева «Пути небесные»: *примерчик, храмик, придельчик, изломчик*. Так что реально существующих слов в русском языке намного больше, чем зафиксировано в лексикографических изданиях, так как даже многотомные толковые словари включают далеко не все узуальные дериваты⁴.

Вопрос о разграничении узуальных и потенциальных дериватов, а также о статусе ряда модификационных производных, имеющих грамматическую значимость, непосредственно связан с определением количества слов в русском языке. Традиционная отечественная лексикография включает в качестве самостоятельных лексем и отдельных словарных статей парные по виду глаголы, возвратные глаголы с пассивным значением типа *обсуждаться, асфальтироваться*, уменьшительные и увеличительные производные имена, все глагольные модификационные производные с разнообразными приставками, наречия на *-о, -е*, образованные от качественных прилагательных, отвлеченные существительные,

⁴ В авторском тексте и в библиографии (не в примерах) данной статьи, написанной сухим языком научного текста, также встретилось более 12 слов, не отмеченных русскими словарями, из них 4 слова образованы от русских корней – *ворчалки* (из названия серии лингвистических заметок И. Левонтиной), *одномоментно, системообразующий, недоопределенность*. Несколько лингвистических терминов образованы от иностранных слов (*актуализационный, аффиксоидный, радикалоидный, грамматикализация, карнавализация, эвфемизация* и др.).

образованные от глаголов и прилагательных. По мнению некоторых исследователей, производные, образованные по продуктивным моделям в речи, не подлежат внесению в словарь, т. к. речь идет «о потенциальных схемах для образования лексем, еще не существующих в данном языке» [Мельчук 1995: 477–478]. К таким потенциальным схемам, для которых нет места в словаре, И. А. Мельчук относит прежде всего сложные прилагательные (это соответствует и отечественной лексикографической практике), сложные слова, образованные от числительных (типа *трехметровый*, *семимесячный*), а также глагольные модели с аффиксами *по-*, *до-* *-ся*, что расходится с лексикографической практикой [Мельчук 1995: 479–485]. М. Эпштейн считает, что не подлежат внесению в словарь в качестве отдельных словарных статей парные по виду глаголы, возвратные глаголы с пассивным значением, а также уменьшительные и увеличительные имена [Эпштейн 2006].

Вопрос о лексикографическом представлении парных по виду и залогу глаголов заслуживает отдельного рассмотрения. Он связан с особенностями взаимодействия словообразовательных и грамматических категорий в русском языке, в котором словообразовательный механизм деривации используется для грамматического формообразования (подробнее см. [Петрухина, Соколова 2009]), а также со степенью регулярности и предсказуемости видового и залогового формообразования. Что же касается модификационных производных, не имеющих грамматического статуса, то, по нашему мнению, не может быть иного решения, как представление данных производных лексем в словаре в виде отдельных словарных статей. Модификационное словообразование – важная часть русского словопроизводства. Стилистические, актуализационные, конструктивные и экспрессивные функции словообразовательных модификаций тесным образом взаимодействуют с их номинативной функцией. Выполнение данных функций не является регулярным, характеризуется лексической и аффиксальной избирательностью, что также не дает возможности переместить фиксацию модификационных дериватов из словаря в грамматику.

Итак, русские корни активно участвуют в потенциальном словообразовании – производстве новых слов по продуктивным моделям, заполняющим пустые «клеточки» в словообразовательной системе. Многие из таких производных не зафиксированы словарями русского языка, но тем не менее лишены налета необычности и воспринимаются как узуальные образования. В целом же необходимо подчеркнуть, что потенциальные дериваты, легко образующиеся в разных типах дискурса по продуктивным моделям, представляют важное системообразующее свойство русского словообразования, что необходимо учитывать при анализе словопроизводства от русских корней.

Однако, несмотря на обилие примеров, показывающих словообразовательную активность русских корней в производстве новых слов (прежде всего в разговорной речи и художественной литературе), в финансовой, социально-политической, экономической, компьютерной терминологии, в рекламе, публицистике и вообще в средствах массовой коммуникации предпочтение отдается иноязычным заимствованиям и производным от них. Об этом свидетельствует языковой материал, приведенный в начале статьи. Другие примеры: *препейдный план* используется вместо *предоплатный план*; *аллокировать* вместо *отнести расходы на статью*; в компьютерной терминологии, при отсутствии номинации *оказатель услуг* употребляется заимствование *провайдер*; *юзер*, *юзерский* все чаще заменяет *пользователь*, *пользовательский*, а *креатив*, *креативный* – *творчество*, *творческий* и т. д.

Возникает вопрос о причине этого явления, которое не соответствует большому потенциалу русской словообразовательной системы. Как представляется, ее не стоит искать только в «словообразовательной робости» русистов, устранившихся от образования необходимых терминов для обозначения новых реалий, как считают некоторые переводчики экономических и юридических текстов, испытывающие недостаток русских терминов, эквивалентных английским. Причины глубже и отражают общие тенденции в речевой практике современного российского общества (а значит, в его настроениях и предпочтениях), когда и при наличии употребительных русских слов в названных типах дискурса появляются и активно употребляются синонимичные заимствования. Ср. пары заимствованных и русских лексем: *сертификат* – *свидетельство*, *сервис* – *обслуживание*, *социум* – *общество*, *бренд* – *торговая марка*, *дайвинг* – *погружение*, *суицид* – *самоубийство*, *инсталляция* – *установка*, *демо-версия* – *пробная версия*, *бонус* – *дополнительное вознаграждение*, *секьюрити* – *охранник*, *дилер* – *посредник*.

В качестве причин активного употребления иноязычной лексики исследователи указывают на семантическую спецификацию заимствований (*дайвинг* – не просто погружение, а спорт и целая развлекательная индустрия) и языковую экономию, когда заимствование заменяет описательную номинацию (ср. *либерализация цен* – повышение цен как результат отказа от их государственного регулирования). Важную роль играет также речевая мода, стремление казаться современным и «посвященным» [Крысин 2008: 18–36], [Кронгауз 2008].

Называется и другая причина, которая нам представляется очень важной, – стремление к иносказанию, к эвфемизмам, неопределенности, т. е. таким средствам номинации, которые маскируют суть явления, часто отрицательного, оказываются для него камуфляжем, делая его вполне респектабельным [Крысин 2009: 51]. ср. классические

примеры, наглядно показывающие эффект употребления иноязычных лексем: *киллер* – наемный убийца, *мизантроп* – человеконенавистник, *атеизм* – безбожие. Эвфимизация такого типа демонстрирует «отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла». Заимствования в русском (как и в любом другом славянском) языке нередко приобретают «размытую универсальность», «сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя» и тем самым скрывают суть явления. Поэтому такими словами удобно пользоваться, когда эту суть надо скрыть [Кара-Мурза 2005]. Так, по мнению ряда экономистов и социологов, свою отрицательную роль в процессе приватизации в России сыграл неологизм *ваучер*, прикрывший расхищение государственных богатств. Можно привести целый ряд подобных примеров. « “Недостаток **ликвидности**” – из того же ряда. Означает этот псевдонаучный термин очень простую ситуацию ... это недостаток денег. <...> Для того и нужны непонятные термины, чтобы прикрыть ими суть происходящих событий, чтобы лишние вопросы не возникали» [Стариков 2010: 7].

И в повседневной жизни, когда мы употребляем такие малоинформативные фразы, как, например, *У него свой бизнес* или *Он менеджер*, то с помощью иностранных слов «мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность» [Кронгауз 2008: 38]. Конечно, без многих заимствований, обозначающих новые явления, невозможно обойтись, важен большой терминологический потенциал заимствований (ср. примечание 4), которые обогащают лексику русского и других славянских языков. Мы остановились подробнее на эффекте неопределенности и затемнения содержания при употреблении некоторых заимствований только потому, что в лингвистической литературе, в серьезных и обстоятельных исследованиях иноязычной лексики в славянских языках, с которой связывается процесс их интернационализации, эта сторона данного процесса, как правило, не рассматривается (ср. [Komparacja 2003: 47–127], [Przejawy internacjonalizacji 2009]). Проявлением этой же тенденции – стремления уйти от реальности и сути явления – является и «карнавализация» [Бахтин 1990] языка, усиление игровой функции языковых средств, в том числе и словообразовательных (об игровой функции словообразования см. [Санников 1999: 143–178], [Попова 2005: 46–47], [Ермакова 2008: 138–147]).

Таким образом, вопрос о возможностях, функциях и конкурентах словопроизводства в современном русском языке связан с целым комплексом процессов, отражающих тенденции в настроениях и предпочтениях российского общества.

Литература

Аврамова Ц., Осенова П. Отново по въпроса за границата между сложна дума и словосъчетание (през призмата на най-новата българска лексика) // Български език. 2003. № 1.

Балтова Ю. Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език // Известия на Института за български език. Т. XXVI. София, 1985. С. 81–133.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Земская Е. А. Функции словообразования в языке русского зарубежья // К. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. Katowice 2000.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2005.

Клобуков Е. В., Гудилова С. В. Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20. М., 2001.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008.

Кубрякова Е. С. Роль аналогии в порождении новых производных слов // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.

Кубрякова Е. С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1998.

Лопатин В. В. Аффиксоид // Русский язык. Энциклопедия. - М., 1997.

Левонтина И. Ворчалки о языке. Syntaxisu.net. О грамматике потребления. 2006. <http://www.stengazeta.net/article.html?article=916>.

Левонтина И. Ворчалки о языке. Номиналисты. Хоть розой назови ее, хоть нет. 2008. <http://www.stengazeta.net/article.html?article=4885>

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-текст». М.; Вена, 1995.

Немченко В. Н. Современный русский язык: Морфемика и словообразование. Нижний Новгород, 1994.

Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971.

Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика. Синхрония и диахрония: Сборник статей к 70-летию И. С. Улуханова. М., 2006.

Петрухина Е. В., Соколова С. В. Проблемы грамматикализации в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Языковая категоризация. СПб., 2009.

Попова Т. В. Русская неология и неография. Екатеринбург, 2005.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001.

Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.

Стариков Н. Кризи\$. Как это делается. М., 2010.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996.

Эпитейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.

Энштейн М. Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250.
<http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>

Bogusławski A. Język w słowniku. Wrocław, 1988.

Gutshmidt K. Типологични тенденции // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. Opole, 2003.

Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. / Red. I. Ohnheiser. Opole, 2003.

Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce Wydawnictwo Akademii Podlaskiej w Siedlcach, 2009.